DOI:

УДК 902/904

С.П. Нестеров, Е.А. Гирченко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
nesterov@archaeology.nsc.ru*

КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИАМУРЬЕ*

Аннотация: В статье проведен историографический анализ проблемы происхождения в Приамурье урильской культуры раннего железного века (XI–II вв. до н.э.), объединившей данную территорию в единое этнокультурное пространство. Выделены три концепции, в которых описывается данный процесс. Установлено, что одним из первых было положение о том, что данная культура сформировалась в Приамурье на основе местных поздненеолитических культур, но при этом имела значительные связи с синхронными культурами Маньчжурии. Согласно второй концепции, урильская культура сформировалась в Западном Приамурье, а затем ее носители мигрировали по Амуру в его восточные районы. Третья концепция увязывает этот процесс с миграцией в XI в. до н.э. с территории Маньчжурии протоурильского этнокультурного конгломерата по двум направлениям: по реке Нэньцзян в западную часть Приамурья, по реке Сунгари – в Восточное Приамурье.

Ключевые слова: Приамурье, река Амур, урильская культура, миграция, протоурильский этнокультурный конгломерат, Маньчжурия.

S.P. Nesterov, E.A. Girchenko

*Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS
nesterov@archaeology.nsc.ru*

CONCEPTS OF ORIGIN OF THE URIL CULTURE IN PRIAMURYE

The article represents a historiographic analysis of problem of the Uril culture origin in Priamurye. The Uril culture is dated by the Early Iron Age (11th – 2nd cent. BC) and united the whole territory into a single ethno-cultural area. There are three concepts that describe these processes. One of the earliest hypotheses stated that this culture was formed in the Amur region on the basis of local Late Neolithic cultures, but at the same time it had evident relations with synchronous cultures of Manchuria. According to the second concept, the Uril culture was formed in the Western Priamurye, and then the ancient tribes migrated along the Amur River to the eastern regions. The third concept links this process with the migration of the the protouril ethnocultural conglomerate in the 11th century BC from the territory of Manchuria in two directions: along the Nenjiang River to the western part of Priamurye and along the Songhuajiang River to the Eastern Priamurye.

Keywords: Priamurye, Amur River, Uril culture, migration, protouril ethnocultural conglomerate, Manchuria

Вопросы о происхождении урильской культуры в Приамурье встали перед исследователями с момента ее выделения в 1960-х гг. А.П. Окладников и А.П. Деревянко обратили внимание на два историко-археологических обстоятельства, связанных с урильской культурой. Первое касается культур поздненеолитического населения, которые предшествовали ее появлению в данном регионе. Были отмечены резкое отличие неолитических культур сред-

неамурских племен (т. е. населения Западного Приамурья. — *Авт.*) от одновременной культуры, находящейся к востоку от гор Малого Хингана, и возможное этническое различие этих племен, в том числе принадлежность к разным языковым общностям, даже не палеоазиатским [Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 299]. На современной культурно-хронологической шкале эти поздненеолитические культуры представлены осиноозёрской и вознесенской, и

*Работа выполнена в рамках проекта ОГОН РФФИ–№ 16-01-00203-ОГН «Начало раннего железного века в Приамурье: происхождение урильской культуры (XII–II вв. до н.э.).

есть мнение исследователей о том, что их население могло принять участие в формировании урильской культуры [Деревянко А.П., 1973, с. 272; Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, гл. III]. Однако данный процесс в настоящее время пока мало изучен. Такое предположение не объясняет, почему в ареале осиноозерской культуры в Западном Приамурье раннеурильская керамика схожа с таковой из Восточного Приамурья — и наоборот, если говорить о зоне распространения вознесеновской культуры. Не совсем понятна доля участия приамурского поздненеолитического населения в становлении урильской культуры на раннем этапе, так как уже в это время (к рубежу II—I тыс. до н.э.) она представлена археологическими памятниками, свидетельствующими об ее однородности. Ранние памятники урильской культуры есть и в Западном (Урильский Остров, Букинский Ключ-1, Сухие Протоки-2), и в Восточном (Рыбное Озеро, Кочковатка, Круглое Озеро) Приамурье на левом берегу Амура, и на китайском правобережье (стоянка Хайцинъ на р. Чжули в Саньцзяне пров. Хэйлунцзян).

Второе обстоятельство касается объединяющей роли носителей урильской культуры в Приамурье, когда в конце II тыс. до н.э. на местной приамурской поздненеолитической основе наблюдаются определенная этнокультурная нивелировка и сближение «чуждых ранее друг другу, разобщенных племен» при участии северного, таежного населения. Это выразилось в совпадении форм «глиняных сосудов, в характере и технических способах их орнаментации (сосуды со сферическим туловом, узким горлом и широким блюдовидным венчиком, красное лощение, накладные валики в прорезных желобках)» [Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 292–295].

Это предположение А.П. Деревянко подтвердил в монографическом издании, посвященном исследованию урильской культуры. По его мнению, «источником для складывания этого оригинального культурного комплекса (урило-сидеминского. — *Авт.*) могли быть памятники конца III–II тыс. до н.э., обнаруженные в Приморье и Приамурье» [Деревянко А.П., 1973, с. 247]. Он также отметил, что урило-сидеминская культура была «глубоко самобытным и оригинальным явлением в истории Восточной Азии» как развитие единого этнического пространства, основанного на производящем хозяйстве — земледелии и скотоводстве, процесс формирования которого совпал с началом производства железа [Там же, с. 272].

Таким образом, в концепции о местном приамурском происхождении урильской культуры неясной остается причина её культурного единства уже на раннем этапе на всей территории Приамурья, так как предшествующее ей поздненеолитическое население в этнокультурном отношении было различным.

Отчасти эту проблему пытался объяснить И.Я. Шевкомуд, предположив переселение носителей урильской культуры из Западного Приамурья на восток за горы Малого Хингана, где они заняли освободившиеся в результате «вознесеновского коллапса» «эколого-хозяйственные и территориальные ниши Нижнего Приамурья» [Шевкомуд, 2015, с. 143, 161].

Этнокультурное отличие населения в до- и постурильское время было связано с географическим фактором — наличием гор Малого Хингана, которые в меридиональном направлении пересекают долину Амура, деля Приамурье на Западное и Восточное. Эти горы р. Амур то пререзает «поперек, то резко, иногда под прямым углом, изгибается и идет по продольным долинам». «Горы особенно дики» в средней части прорыва протяженностью в 50 км. «Береговая полоса в высокую воду исчезает в узких ущельях, горные откосы круто спускаются прямо в воду. Амур резко суживает свое русло и без всяких рукавов быстро стремится между горами» [Сементовский, 1959, с. 30, 50–52]. Вряд ли горы Малого Хингана в урильское время перестали быть препятствием для устойчивого общения обитателей Западного и Восточного Приамурья. Хотя такая возможность могла существовать по воде Амура. Хинганская труба длиной 150 км, являясь серьезным препятствием, все же была проходима вниз по течению, но трудна для подъема вверх. Нужно отметить, что исследователи уже обращали внимание на этот природный фактор. Так, А.П. Окладников и А.П. Деревянко, характеризуя природное окружение о. Урильского на Амуре, отметили, что ниже его недалеко находится «Хинганская труба», где река «стремительно несет свои воды», по которой «подниматься на лодках к острову... можно только с большим трудом» [Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 264].

С одной стороны, разнокультурность поздненеолитического населения, которая не могла стать основой для формирования *единой* для Приамурья урильской культуры на рубеже II и I тыс. до н.э.; наличие в этом регионе горной системы Малый Хинган, которая делала многокилометровый участок Амура труднопроходимым, тем самым затрудняя контакты на-

селения к западу и к востоку от нее; с другой — установленный факт распространения здесь данной культуры уже на раннем этапе ее появления свидетельствуют о *миграционном характере* происходившего процесса смены населения. Как было установлено, протоурильское население пришло в Приамурье из западных и юго-западных пределов Маньчжурии и восточных районов Внутренней Монголии [Нестеров, 2013]. Анализ материала сопредельных Приамурью культур второй половины — конца II тыс. до н.э. показал, что эта территория в данный период была занята населением культуры байцзиньбао, которая на севере своего ареала граничила с территорией Приамурья, а также культур ситуаньшань, верхнего слоя Сяцзядянь, тэвш, культуры плиточных могил.

Данные китайских летописей свидетельствуют о том, что толчком к переселению протоурильских племен из указанных выше областей могли послужить политические события XI в. до н.э. (по уточненной хронологии), связанные с образованием государства Западного Чжоу и с четырьмя походами второго императора Чэн-вана против восточных племён И [Полутов, 2016, с. 245–246]. Есть мнение, что сущэни в результате этих военных действий также были вынуждены мигрировать с Северо-Китайской равнины на территорию Ляодуна, Маньчжурии, Приморья и Корейского полуострова [Шавкунов, 1990, с. 23, 26]. Возможно, в ходе этих событий часть аборигенного маньчжурского населения ушла на север — в Приамурье. Наличие путей вверх по р. Нэньцзян (Нонни) и ее притокам в Западное Приамурье и вниз по р. Сунгари в Восточное Приамурье способствовало быстрому продвижению протоурильского населения в эти регионы.

Учитывая, что на Амуре урильская культура территориально была разобщена горами Малого Хингана на две локальные группы, а ее единство наблюдается только на раннем этапе существования, можно сделать вывод о том, что на пути в Приамурье произошло разделение единого миграционного потока на две группы. Начальной точкой их расхождения мог быть район впадения Нэньцзян в Сунгари. В этот период здесь, между современными городами Цицикар и Харбин, находилось большое Палеоозеро [Вострецов, 2013, с. 111: рис. 1]. Оно существовало еще и во II в. до н.э. [Атлас..., 1996], а в эпоху Средневековья письменные источники это место называют Жошуй — слабая вода [Бичурин, 1950, с. 21]. Именно здесь, на водоразделе между нижней Нэньцзян и Сунгари, в настоящее время

нет ни одной реки. Зато на дне котловин имеется много мелких содовых и соленых озер [Глушаков, 1948, с. 185]. Видимо, именно это большое озеро и разделило миграционный поток протоурильцев: одна группа пошла в обход его по западному берегу, другая — по юго-восточному (рис. 1, 1). В Западном Приамурье мигранты, пройдя между западными отрогами Малого Хингана и Ильхури-Алинем, вышли на Амур и на Зейско-Буреинскую низменность. В Восточном Приамурье они через Саньсинский проход попали в междуречье Амура, Сунгари и Уссури, на Нижне-Амурскую и Нижне-Сунгарийскую низменности.

С учетом места разделения единого переселенческого протоурильского потока в районе современного устья р. Нэньцзян, население, которое было в этот поток вовлечено, могло проживать на территории современных провинций Хэбэй, Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян и на восточных территориях Внутренней Монголии. Это был регион Азии, где сложившийся стихийно из различных родовых и племенных групп или их частей протоурильский этнокультурный конгломерат имел те черты смешанной материальной культуры в гончарстве, в облике орудий из камня и бронзы, в хозяйственном укладе земледельцев, животноводов (преимущественно свиноводов), охотников и рыболовов, которые были присущи носителям урильской культуры на начальном этапе их проживания в Приамурье. Поэтому вряд ли можно ожидать обнаружения полного тождества материалов урильской культуры и предшествующих или синхронных ей археологических культур (верхнего слоя Сяцзядянь, ситуаньшань, байцзиньбао, тэвш и др.) указанных районов Северо-Восточного Китая.

О многокомпонентном составе урильской культуры свидетельствует разнообразие форм керамических сосудов и орнамента на них. Исследователи выделяют в урильской культуре 16 типов сосудов и десятки видов орнамента [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 42–57]. Пока четко вычленяется «пиктографический» узор, который был свойственен керамике культуры байцзиньбао в бассейне Нэньцзян и Сунгари (рис. 3, 1). В урильской культуре он присутствует на памятнике Рыбное Озеро из Восточного Приамурья, относящегося к раннему этапу её существования [Там же, с. 67]. В археологическом музее Благовещенского педагогического университета также имеются фрагменты керамики с орнаментом культуры байцзиньбао, которые происходят из случай-

ных сборов (рис. 2, II, 12). Видимо, к протоурильцам, проходящим через земли племен байцзиньбао, присоединились представители этой культуры, которые могли знать о большой реке на севере и о дороге к ней в силу того, что их территория являлась пограничной с Приамурьем.

Производные орнамента культуры байцзиньбао в виде отдельных «пиктографических» элементов можно наблюдать на посуде многих урильских памятников Приамурья: к нему можно причислить и прочесы зубчатым шпателем (рис. 2, 13–15), и сложнофигурные рельефы, выполненные как прочерчиванием, так и выглаженными валиками [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 80–110]. У сосудов культуры байцзиньбао встречаются насечки по краю венчика; орнамент в виде косой решетчатой или наклонной штриховки внутри геометрической фигуры (треугольника, прямоугольника); в виде ряда треугольников без линии основания; с вафельными отпечатками по тулову; крашенная керамика. Все эти элементы орнамента также присущи и урильской культуре. Близка морфология сосудов с поселения Рыбное Озеро и памятников культуры байцзиньбао [Там же, с. 80–107].

В культуре ситуаньшань имеется керамическая посуда, частью похожая по форме и орнаменту на урильскую. Так, в материалах памятника Хоутайпин встречен фрагмент сосуда с орнаментом в виде прочесов трехзубой гребенкой [Хоутайпин: Дун Ляохэ..., 2011]. Такой орнамент на посуде урильской культуры является одним из ведущих [Там же, с. 104]. Однако ситуаньшаньская керамика чаще гладкостенная, без орнамента или с минимальным его нанесением. Морфология сосудов урильской и ситуаньшаньской культуры также имеет некоторое совпадение: у горшковидных сосудов, у емкостей с шаровидным туловом (рис. 2, 10; рис. 3, 2–4). Определенное морфологическое сходство, по мнению, А.В. Гребенщикова, имеют некоторые сосуды с поселения Рыбное Озеро и керамика культуры нижнего слоя Сяцзядянь, например, горшки с ребром на тулове [Там же, с. 67]. Горшок культуры нижнего слоя Сяцзядянь, по морфологии и орнаменту схожий со слабопрофилированными сосудами урильской культуры [Там же, с. 86, табл. VII], есть в экспозиции музея г. Цзиньжоу провинции Ляонин. Сосуд найден при раскопках в дер. Фаньцзятунь, волость Тоудаохэ, уезд Исянь провинции Ляонин. Это лепной горшок с широким дном, у которого в месте перехода тулова в небольшую горловину присутствует тонкий выглаженный валик, а ниже идут короткие

врезные вертикальные полосы (от одной до трех). Эти полосы присутствуют и на резко отогнутом венчике. На тулове нерегулярные прочесы располагаются под углом слева направо (рис. 3, 5).

В общих границах гончарства урильской культуры А.В. Гребенщиковым выделены два локальных варианта — западный и восточный. Однако это, по его мнению, не нарушает той общей культурной однородности, которая устанавливается в среде обитателей Приамурья на её начальном этапе (выделено нами. — Авт.) [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 73–74, 78], что свидетельствует о примерно равном долевым составе населения различных культур, разделившихся у Палеоозера во время миграции. На появлении со временем двух вариантов урильского гончарства могла сказаться не только территориальная изолированность горами Малого Хингана западных и восточных носителей урильской культуры друг от друга, но и возможное влияние гончарства осиноозёрской культуры на западе и вознесеновской на востоке. Если элементы последней прослеживаются в урильской керамике [Там же, с. 74], то влияние осиноозёрской керамической традиции на керамику урильской культуры достоверно не определено. Можно лишь отметить наличие в осиноозёрской и урильских культурах шлифованных каменных изделий (рис. 1, 6; 2, 8), но они были широко распространены и во времени, и в пространстве азиатского региона [Деревянко А.П., 1973, с. 267–268]. Сохранение на раннем этапе в урильской культуре изготовления шлифованных орудий (топоров, тесел, стамесок и др.) могло быть связано с дефицитом предметов из бронзы и с трудностями первоначального освоения железа. Так, на памятнике Сухие Протоки-2 на р. Буре в урильском слое вместе с обломком бронзового ножа (рис. 1, 7), бронзовой бляшки-пронизки (рис. 1, 8), фрагментом коленчатого железного ножа (рис. 1, 2) и кусками чугунного кельта (рис. 1, 3–5) найдены шлифованные предметы. В то же время на стоянке Букинский Ключ-1, в 14 км ниже по течению Буреи от памятника Сухие Протоки-2, в раннем урильском слое встречены бронзовая лапчатая бляшка (рис. 2, 1), железный стержень, куски железистого шлака, но каменные шлифованные изделия не обнаружены. Серебряная лапчатая бляшка (рис. 2, 6) найдена на поселении Поярково-1 на Амуре вместе с шаровидным сосудом (рис. 2, 10), каменными наконечниками стрел (рис. 2 – 9), круглой бронзовой подвеской и бронзовыми пронизка-

ми (рис. 2, 3, 4). Возможно, из обломка бронзового ножа с большой нервюрой на лезвии, характерного для культур Маньчжурии (нож данного типа есть в музее г. Чанчунь, памятник Ханьшу; в музее г. Хулудао — ножи из бронзового клада (рис. 3, 6) в уезде Цзяньпин провинции Ляонин, на территории совхоза Бацзя), мог быть сделан небольшой нож с массивной нервюрой на одной стороне изогнутого лезвия, который обнаружен на памятнике Усть-Ульма на р. Селемдже (рис. 2, 7). Все найденные бронзовые предметы урильской культуры были широко распространены в карасукскую эпоху в Сибири, Центральной Азии, Северном Китае и западной части Маньчжурии в конце II – начале I тыс. до н.э. [Членова, 1972; Новгородова, 1970].

Многие другие каменные предметы (мотыги с широким лезвием и узким плечиковидным насадом; шлифованные и ретушированные наконечники стрел, имитирующие бронзовые; кольца, в том числе из нефрита, подвески) урильской культуры (рис. 1, 9, 10, 11–13) и синхронных культур Северо-Востока Китая во многом схожи, что, видимо, объясняется общим технико-морфологическим развитием производств этих изделий, их назначением и применением в хозяйственной деятельности.

Наиболее ранние находки урильских железных изделий пока связаны с западной группой. На востоке они приурочены к среднему и позднему этапам культуры (памятники Кочковатка, жил. 1, Максим Горький), но здесь много шлифованных орудий. Железные и чугунные предметы на памятнике Сухие Протоки-2 найдены в слое 3, для которого три радиоуглеродные даты показали синхронизированный калиброванный хронологический диапазон 1032–914 гг. до н.э., или XI–X вв. до н.э. [Древности Буреи, 2000, с. 97, табл. VIII]. Это время, близкое к событиям чжоуской экспансии и вероятного переселения протоурильского конгломерата в Приамурье.

Столь раннее начало производства железа и чугуна населением урильской культуры в XI–X вв. до н.э., на наш взгляд, было обусловлено рядом причин и обстоятельств. С переселением в Приамурье из Маньчжурии протоурильского конгломерата он утратил устойчивую связь с метрополией, вдобавок ослабленную сложносоставным этнокультурным характером мигрантов, оторванных от материнских культур. В Приамурье переселенцы столкнулись с отсутствием доступных рудных компонентов для производства бронзы [Конькова, 1989]. Об этом свидетельствуют отсутствие следов рудной деятельности и факты переплавки и переделки

бронзовых изделий. Так, лапчатые бляшки с памятников Урильский Остров и Букинский Ключ-1, несмотря на общее морфологическое и орнаментальное сходство, были изготовлены с различных оригинал-макетов [Нестеров, 2017]. Из большого ножа был сделан небольшой усть-ульминский нож, на котором мастер сохранил большое ребро-нервию оригинала, не имеющее для него особой функциональной значимости. Из Западного Приамурья происходит каменное шлифованное тесло, обушок которого обернут бронзовым листом.

Как произошло открытие железа у населения урильской культуры — случайно или в результате целенаправленных поисков — пока неясно. Протоурильцы в Приамурье пришли со знанием бронзолитейного дела, которого не было у местных поздненеолитических обитателей. В условиях Приамурья навыки, связанные с высокотемпературным производством в области бронзовой металлургии, могли быть реализованы в производстве железа из болотных руд, представляющих собой разновидность бурого железняка, который отлагается в болотах и встречается в приречных или болотистых лугах (луговая руда). Но и из железа урильские металлурги делали коленчатые ножи карасукского типа и чугунные кельты, похожие на бронзовые и каменные. Нельзя исключать и какие-либо знания о железе, так как считается, что уже в XV–XIV вв. до н.э. в Индии и в странах Передней Азии железо умели получать. Однако в Китае железо появляется примерно VIII–VI до н.э. [Кучера, 1977, с. 97; Васильев, 2006, с. 125–132].

Еще одним косвенным свидетельством миграционного происхождения урильской культуры в Приамурье является ландшафтная характеристика первых урильских поселений в этом регионе. Они все располагаются в пойменных местах р. Амур, часто заболоченных, изобилующих старичными озерами. Таков ландшафт в месте расположения поселений в Архаринском районе Амурской области и на юге Еврейской АО. По палеогеографическим данным из Новопокровской стоянки осиноозерской культуры, что недалеко от о. Урильского, междуречье Архары и Урила в это время имело значительно большее количество озер различных размеров, чем сейчас [Никольская, 1954].

В настоящее время ландшафт западных и юго-западных районов Маньчжурии между городами Цицикар, Харбин, Чанчунь также изобилует озерами и заболоченными местами. В древности, когда здесь существовало большое

Палеозеро, обводнение территории было тоже значительно больше, чем сейчас. Если протоурильцы или какая-то их часть проживали в этих местах, то и на новом месте в Приамурье они по принципу «похожести» вначале заняли схожую по природе пойму Амура. Здесь можно было вести привычные образ жизни и хозяйство (рыболовство, охота, свиноводство и, насколько позволяли условия, земледелие, — вероятно, на первых порах существовавшее как подсобная отрасль). И только с освоением приамурских равнин становиться возможным преобладание производящего хозяйства.

Таким образом, рассмотренные модели происхождения урильской культуры раннего железного века Приамурья укладываются в рамки трех концепций: (1) местной приамурской на основе поздненеолитических культур, с обширными связями с культурами Маньчжурии; (2) аборигенно-миграционной — формирование в Западном Приамурье (без раскрытия механизма это явления) с дальнейшей миграцией за горы Малого Хингана в восточную часть данного региона; (3) миграционной — переселение протоурильского смешанного по культуре конгломерата из западных и юго-западных районов Маньчжурии и прилегающих территорий Внутренней Монголии под давлением сложившихся политических и, возможно, природных обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас географических карт* к наброску истории Китая (Чжунго шигао диту цзи). — Пекин: Чжунгодиту чуба-оньша, 1996. — 80 с.
- Бичурин Н.Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. II. — 336 с.
- Васильев Л.С.** Древний Китай. — М.: Восточная литература 2006. — Т. 3: Период Чжаньго, (до V—III в. до н.э.). — 679 с.
- Вострецов Ю.Е.** Экологические факторы формирования культурной динамики в прибрежной зоне Восточной Азии в эпоху палеометалла // Вестник ДВО РАН. — 2013. — С. 109–116.
- Глушаков П.И.** Маньчжурия: экономико-географическое описание. — М.: Гос. изд-во географ. лит., 1948. — 264 с.
- Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И.** Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — 120 с.
- Деревянко А.П.** Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1973. — 356 с.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н.** Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1995. — 160 с.
- Древности Бурей.* — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 352 с.
- Зайцев Н.Н., Кудрич О.С., Волков Д.П., Савченко Т.П., Коваленко С.В., Петров В.Г., Комарова Н.А., Наумченко Б.В.** Предварительные итоги исследования многослойного памятника Поярково, поселение-1 // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического университета. Том 24. Гуманитарные науки. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. — С. 4–10.
- Конькова Л.В.** Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э.). — Л.: Наука, 1989. — 124 с.
- Кучера С.** Китайская археология. — М.: Наука, 1977. — 271 с.
- Нестеров С.П.** Начало раннего железного века в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. — Т. XIX. — С. 297–301.
- Нестеров С.П.** Бронзовые лапчатые бляшки урильской культуры из Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — Т. 24. — № 2. — С. 33–36.
- Никольская В.В.** Палеогеографические материалы из Новопокровской стоянки на Амуре // Известия Академии наук СССР. Серия Географическая. — 1954. — № 5. — С. 73–77.
- Новгородова Э.А.** Центральная Азия и карасукская проблема. — М.: Наука, 1970. — 202 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973. — 440 с.
- Полутов А.В.** Род сушэнь в китайских письменных памятниках // Средневековые древности Приморья. Вып. 4. — Владивосток: Дальнаука, 2016. — С. 244–269.
- Сементовский В.Н.** Река Амур (очерк природы). — М.: Гос. изд-во географ. лит., 1959. — 88 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. — 248 с. (МИА, № 182).
- Хоутайпин:* Дун Ляохэ сяю ю’ань и цинтун шидай ицунь вэйчжу дэ дяоча юй фацзюэ (Хоутайпин: раскопки и исследования памятника эпохи бронзы на правом берегу нижнего течения р. Восточная Ляохэ). — Пекин: Вэньу, 2011. — 360 с. (на кит. яз.).
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII веков и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. — М.: Наука, 1990. — 282 с.
- Шевкомуд И.Я.** Неолит–палеометалл в Нижнем Приамурье — концепция палеокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. — С. 140–176.

Рис. 1. Место исхода и разделение протоурийского населения на два потока на карте востока Азии (1). Предметы урийской культуры Приамурья из железа (2), чугуна (3-5), бронзы (7, 8), камня (6-13): 2-8 – Сухие Протоки-2; 6 – Анго; 9-13 – поселения урийской культуры (по: [Деревянко А.П., 1973, с. 293, 309, 349])

Рис. 2. Предметы урийской культуры Западного Приамурья из бронзы (1–5, 7), серебра (6), камня (8, 9), керамики (11–15) и чугуна (16):

1, 8, 9 – Букинский Ключ-1; 2 – Урийский Остров; 3, 4, 6–10 – Поярково-1 (по: [Зайцев, Кудрич, Волков и др., 2007]); 5 – Анго; 7 – Усть-Ульма (по: [Деревянко А.П., Зенин, 1995]); 11–16 – музей им. Б.С. Сапунова, Благовещенский государственный университет

1

2

3

4

5

6

Рис. 3. Керамические сосуды (1–5) и бронзовые ножи (6) из Маньчжурии (КНР):

1–4 – музей Института археологии провинции Хэйлунцзян (г. Харбин),

5 – музей г. Цзиньчжоу провинции Ляонин;

6 – музей истории г. Хулудао провинции Ляонин